

Литературный факт 2025. № 3 (37).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 3 (37), 2025

Научная статья

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-37-331-349>

<https://elibrary.ru/HUFIUF>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no.3 (37), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Исаак Бабель в контексте борьбы за читателя в 1920-е гг.

© 2025, Е.Г. Елина

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия

Аннотация: Публикации в литературно-художественных и литературно-критических изданиях эпохи позволяют раскрыть практически не изученную тему восприятия Бабеля участниками литературных дискуссий в контексте масштабной борьбы за читателя, развернувшейся в 1920-е гг. В 1920-е гг. читателя ставили в центр разнообразных концепций по переустройству человеческой природы. Бабеля относили к группе писателей-попутчиков, и это во многом определило отношение к писателю со стороны рапповской критики, а также со стороны последователей Л. Троцкого и независимых литературных критиков марксистского толка — Вяч. Полонского и В. Правдухина. В работе показано, что в «читателецентричной» литературно-общественной ситуации И. Бабель был поддержан той частью большевистской критики, которая исповедовала эстетическую ценность художественных произведений. В то же время писатель отвергался рапповской критикой, а вслед за ней и читателем, ею выращенным. Самобытность Бабеля, его цветистый, орнаментальный стиль, отсутствие прямых авторских оценок, сложность построения фразы и текста в целом — все это не укладывалось в привычную для рапповцев классификацию писателей. Взамен рефлексии по поводу его творчества рапповцы вопреки реалиям утверждали, что «Бабеля не читают».

Ключевые слова: Бабель, массовая критика, А.К. Воронский, В.П. Полонский, В.П. Правдухин, читатель, литературно-общественная ситуация 1920-х гг.

Информация об авторе: Елена Генриховна Елина — доктор филологических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

E-mail: elinaeg@info.sgu.ru

Для цитирования: Елина. Е.Г. Исаак Бабель в контексте борьбы за читателя в 1920-е гг. // Литературный факт. 2025. № 3 (37). С. 331–349. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-37-331-349>

Первые послереволюционные годы были отмечены появлением множества концепций по переустройству мира и выращиванию нового человека. Важнейшая роль в этих процессах принадлежала литературной критике, самым разным ее направлениям и течениям. Свои грандиозные проекты по переделке человеческой природы литературная критика могла осуществлять только с опорой на тех, ради кого и замышлялась культурная революция, — на общество, народ, трудящиеся массы.

Современное литературоведение не раз обращалось к тому, как воспринимала Исаака Бабеля литературная критика в первые годы славы писателя¹. Между тем интерес представляют не только литературно-критические отклики о Бабеле и его произведениях, не только восприятие Бабеля участниками политических и литературно-общественных дискуссий, но и позиционирование Бабеля в контексте масштабной борьбы за читателя, развернувшейся в 1920-е гг. В центр литературной жизни литературная критика 1920-х гг. ставит нового читателя, который, как показывает анализ многообразных источников [3], явился вторым после самой литературной критики центром притяжения общественного сознания в 1920-е гг.

Термины «читатель», «читательские массы» не сходят с журнальных страниц. Важнейшим аргументом в любой полемике по литературным вопросам становится читатель, его сиюминутный или пролонгированный интерес к писателю, его явленное или имплицитно высказанное мнение. Именно читателем и его идеологическими, политическими, а иногда и сугубо житейскими потребностями объяснялась нужность, полезность и соответственно востребованность той или иной книги.

Читатель становился разменной монетой в общественно-литературных дискуссиях, при этом мнение реального читателя учитывалось далеко не всегда. Литературные публицисты 1920-х гг., относящие себя к разным течениям и направлениям литературы, высказывая самые крайние суждения о литературном процессе, ссылались на свою заботу о читателе.

¹ См.: [2; 4, с. 13–31; 6; 7; 8].

Не случайно в 1920-е гг. началось активное изучение читателя. Сюда отнесем и серьезные, с амбицией на научность, «читателеведческие» исследования, и библиотечковедческие обзоры, включающие в себя анализ многочисленных читательских анкет, и голословные указания на мнение читателей, и постоянные ссылки на то, что именно так думает читатель. Многие из этих работ, имеющих принципиально разную ценность и глубину, уже становились предметом пристального изучения (см.: [1; 3]).

В предлагаемой статье делается попытка понять, какое место занимал Бабель и его произведения в контексте борьбы за читателя в 1920-е гг.

В том, как объясняли читателю 1920-х гг. роль и место Бабеля, столкнулись две идеологические стихии. С одной стороны, важнейшей литературно-общественной силой 1920-х гг. становились рапповцы с их уверенностью в победе пролетарского сознания и быстром воспитании нового пролетарского писателя. С другой стороны, не менее мощно звучал голос Льва Троцкого, отстаивающего права писателя-попутчика в его неизбежной конкуренции с пролетарским писателем. И когда появлялись первые сочинения Бабеля и он входил в литературу, голос Троцкого звучал значительно громче самых громких рапповских деклараций.

Термин «попутчик» был введен Л.Д. Троцким в его книге «Литература и революция», вышедшей в 1923 г. Конечно, имя Бабеля там не звучит, но многие характеристики попутнической литературы позже, уже другими критиками, будут распространены и на него. Для Троцкого понятие «попутчик» не несло в себе отрицательной коннотации, он видел в этом нарождающемся классе писателей будущее литературы. Именно в них, а не в пролетарских писателях, он угадывал талант, напористость стиля, новый тип художественного мышления. По мысли Троцкого, пролетарская литература будет создана не завтра, а спустя десятилетия, когда победит мировая революция. Сегодня, в переходный период, рабочий читатель вполне может расти и развиваться, обращаясь к классической литературе и к творчеству писателей-попутчиков. Таков основной тезис, развитый Троцким в различных публикациях, но наиболее отчетливо представленный в главе «Партийная политика в искусстве» в книге «Литература и революция».

Твердо и настойчиво Троцкий объясняет ошибочность борьбы современных литераторов с попутчиками и поддерживающим это направление Александром Воронским. Троцкий считает такую борьбу анахронизмом:

Формально наши заезжатели продолжают линию, взятую когда-то (в 1908 г.) сборниками «Распад». Но надо же все-таки понять и оценить различие исторической обстановки и некоторую происшедшую с тех пор передвижку в соотношении сил! Тогда мы были разбитой подпольной партией. Революция отступала, контрреволюция, столыпинская и анархо-мистическая, напирала по всей линии, в самой партии интеллигенция играла еще непропорционально большую роль, причем интеллигентские группировки разных партийных окрасок представляли собой сообщающиеся сосуды. В этих условиях идейная самооборона требовала бешеного отпора литературным настроениям похмелья. Сейчас происходит процесс совсем иного, в основном — противоположного порядка. Закон социального тяготения (в сторону господствующего класса), определяющий в последнем счете линию творчества интеллигенции, действует ныне в нашу пользу. И с этим нужно уметь сообразовать политику в области искусства².

Вслед за Троцким, автором теории о существовании нескольких литературных классов, рапповцы в различных книжных и журнальных сочинениях 1920-х гг. тоже пишут о литературных классах писателей. Бабель в большинстве публикаций такого рода был отнесен к писателям-попутчикам.

Усилиями рапповцев попутчики были разделены на три течения: «революционные попутчики», к которым отнесли Бабея, «просто попутчики» (как Вс. Иванов) и «попутчики в кавычках». Это Пильняк. Именно с колокольни попутничества рапповцы и стали воспринимать произведения Бабея. Рапповское отношение к современной литературе, выраженное в декларативно-лозунговых статьях, в полной мере коснулось Бабея.

Самым активным образом, как всегда прямолинейно и напористо, представители рапповского движения приняли участие в кампании по изучению рабочего и крестьянского читателя. Стоит заметить, что в огромном количестве книг и статей, написанных в 1920-е гг., имевших библиотеческий характер, литературно-критические описи массовой критики подкреплялись отзывами реальных читателей. Отталкиваясь от мысли о том, что «современная “крупная” русская художественная литература (как проза, так и стихи) совершенно не проникла в нижние читательские пласты; она лишь поверхностно

² Троцкий Л.Д. Литература и революция. 2-е изд. М.: Гос. изд-во, 1924. С. 164.

задела фабрику и совсем на затронула деревню»³, массовая критика особое свое внимание обратила прежде всего на рабочего читателя. Для литературных идеологов этой эпохи важно было не только приобщить рабочего читателя к «новой» литературе, но и сформировать так называемое пролетарское сознание — в самом широком значении этого понятия.

Активное продвижение рапповцами «своих» авторов, среди которых первым всегда оставался Демьян Бедный, приводило к тому, что интерес рабочих к писателям-попутчикам оказывался крайне слабым. Л. Авербах классифицирует читательские интересы в соответствии с принадлежностью читателей к определенной социальной или профессиональной группе⁴. Мы узнаем, что рабочие союзы на первое место выдвигают А. Серафимовича, Ф. Гладкова числят на 1–4 местах, Д. Фурманов занимает с 3-й по 7-ю строки. Ю. Либединский с 7-й по 12-ю. Бабеля не читают. Совторгслужащие не читают Д. Фурманова, Ю. Либединского считают 11-м, Бабеля не читают. Работники Рабис Ф. Гладкова видят на 14-м месте, Вс. Иванова на втором, Бабеля на 15. Пильняка, конечно, не читают вовсе, а Пантелеймон Романов оказывается любимцем у работников сферы искусства.

Запомним этот рефрен: «Бабеля не читают». Запомним, потому что этот приговор будет сопровождать опросники и комментарии к ним применительно к Бабелю на протяжении всего времени существования рапповского господства в писательской среде, то есть практически до начала 1930-х гг.

В своих публикациях рапповцы любили писать о враждебности попутчиков пролетарской литературе, о том, что они не понимают того читателя, к которому обращаются, что им не место в литературе нового времени. С усилением рапповского стремления к гегемонии оценки попутчиков становились все более жесткими.

Борьба за читателя со стороны рапповской литературной критики проходила под знаком необходимости «выдерживать <...> в области художественной литературы политическую линию большевизма»⁵. Уверенность рапповцев в том, что они проводят линию большевизма в литературе, усиливалась их постоянной и настойчивой пропагандой, касающейся массовости организации.

³ Динамов С.С. Очерки современной литературы // Книгоноша. 1926. № 11. С. 5.

⁴ Авербах Л. О современной литературе: Из доклада на Всесоюзном съезде пролетарских писателей // На литературном посту. 1928. № 11–12. С. 8.

⁵ Зонин А.И. Надо перепахать (о литературном отделе «Красной Нови») // На посту. 1923. № 2–3. Стб. 213.

В одном из первых номеров журнала «На посту» помещено запальчивое и самоуверенное заявление «от редакции»: «“На посту” действовал, не оглядываясь назад, ибо он знал, что за ним — крепкий революционный тыл. Мы встретили горячее сочувствие именно в той среде, на которую мы рассчитывали, когда ринулись в бой. Литературные коллеги и литературные кружки, группы пролетарских поэтов и писателей, студенты с рабфаков и рабкоры, отдельные старые литераторы — партийцы и общество старых большевиков, Москва и провинция — все это составило наш надежный тыл...»⁶. Стоило журналу «На посту» развенчать в статье кого-то из попутчиков, буквально в следующем номере журнала появлялись отклики читателей, поддерживающие или даже продолжающие отповеди И. Эренбургу, Н. Никитину, Вс. Иванову, Е. Зозуле. При этом если набор авторов-попутчиков мог меняться, постоянной величиной для суровой критики оставался Б. Пильняк. Имя писателя буквально не сходило со страниц литературных обзоров. Можно утверждать, что именно Пильняк оказался «любимым» героем литературной критики 1920-х гг. и на его отрицательном примере дружно решили воспитывать читателя.

«Куда впадает творчество Пильняка?»⁷ — этот вопрос постоянно волновал критиков. Листаем журналы тех лет и обращаем внимание на пестрые, но в то же время содержательно монотонные аттестации одного из самобытнейших писателей эпохи: «...славянофил, археолог, древнелюб, тянется к допетровской Руси, а не к Октябрьской революции. Для него революция не восхождение человечества к новой культуре, а отказ от культуры, возврат к звериному быту»⁸; Пильняка «во многом родила революция, но именно во многом он отстает от нее, благодаря уже одному своему бессилию преодолеть пережитки старой художественной культуры слова»⁹; «В двух, трех рассказах — одни и те же имена и фамилии и одни и те же краски — серая, синяя и зеленая»¹⁰.

Критика не предъявляла читателю серьезных аргументов в виде аналитических статей. Каждое из имен писателей-попутчиков по негласному договору с читателем становилось враждебным символом в изнурительной борьбе за новую литературу. Символ не требовал

⁶ От редакции // На посту. 1923. № 4. Стб. 6.

⁷ Брайнина Б.Я. Куда «впадает» творчество Пильняка // Пролетарская литература. 1931. № 5–6. С. 150–163.

⁸ Свенцицкий А. Октябрь в литературе // Литературный еженедельник. 1923. № 43. С. 9.

⁹ Блюменфельд Вик. Искусству слова // Горн. 1923. № 9. С. 102.

¹⁰ Соболев Ю. О птицах живых и мертвых // Журналист. 1922. № 1. С. 40.

объяснений, доказательств, он не мог развиваться или меняться. С течением времени термин Троцкого «попутчик», в котором различалась семантика «по пути», стал восприниматься рапповцами принципиально по-другому: попутчики были объявлены буржуазными авторами и их начали активно отлучать от рабочего читателя.

Единственным серьезным автором, который в журнале «На посту» проводил концепцию Троцкого относительно попутчиков, был Г. Лелевич. Он писал: «Перед нами — три достаточно рельефно выявившихся классовых армии в литературе: остатки буржуазно-дворянской литературы от Чирикова, Мережковского, Гиппиус и до Ахматовой и Андрея Белого; мелко-буржуазные мнимые и настоящие «попутчики» от Пильняка до Бабеля и Сейфуллиной и, наконец, пролетарская литература»¹¹. При этом в пролетарскую литературу Г. Лелевич не верил: «...в эпоху диктатуры о создании новой литературы, т. е. о строительстве величайшего исторического масштаба, не приходится говорить; а то, ни с чем прошлым не сравнимое, культурное строительство, которое наступит, когда отпадет необходимость в железных тисках диктатуры, не будет уже иметь классового характера. Отсюда надлежит сделать тот общий вывод, что пролетарской культуры не только нет, но и не будет»¹².

Жесткие оценки рапповцами попутнической литературы были связаны с желанием утвердить миф о рабочем читателе. А. Бек, один из идеологов уже даже не просто пролетарской литературы, а произведений для рабочих убежден в том, что рабочий читатель демонстрирует практический подход к каждому произведению. Он «не признает чтения ради чтения, приключения ради приключения. К каждой вещи он подходит с вопросом: “А что она даст? Чему она учит? Какую пользу можно из нее почерпнуть?”»¹³ И дальше автор размышляет, почему рабочему читателю чужды Б. Пильняк, И. Эренбург, Е. Зозуля, М. Слонимский и другие попутчики. Во-первых, считает Бек, потому что попутническая литература является мелкобуржуазной, а между рабочим классом и мелкобуржуазной литературой возникает стена. Рабочим чужды художественные образы попутчиков, чужды книги, проповедующие мистику, буржуазный анархизм и в целом антикоммунистическую идеологию.

Существенным аргументом в борьбе за читателя у рапповцев оказывались требования к самим текстам художественных произведений. Рапповцы постоянно писали о необходимости создавать

¹¹ Лелевич Г. 1923 год. Литературные итоги // На посту. 1924. № 1 (5). Стб. 76.

¹² Лелевич Г. Партийная политика в искусстве // На посту. 1923. № 4. Стб. 30.

¹³ Бек А.А. Лицо рабочего читателя // Рабочий читатель. 1925. № 6. Ч. 2. С. 18.

произведения для рабочего читателя, ориентируясь на критерии доступности и понятности. Это касалось и фабулы произведения, и его языка, и поступков героев: «Прежде всего читатель хочет понять книгу, овладеть ею без труда, без лишних усилий. “Простой”, “понятный”, “легкий”, “популярный”, “ясный” язык, “хороший”, “простой” язык, “доступный”, “легко читающийся”, “без замысловатых слов” <...> такими выражениями пестрят положительные отзывы о языке книги»¹⁴. С этой точки зрения Бабель виделся сложным, не предназначенным для рабочих. Не случайно журнал «На литературном посту», предлагая очередной обзор читательских интересов, включил Бабеля в число авторов, читаемых в среде научных работников¹⁵.

Кроме того, хорошо относятся к Бабелю деятели кино¹⁶, театра¹⁷, художники¹⁸. Однако рапповцы проводят собственную линию в оценках писателя. И вот уже Авербах провозглашает: «Достаточно приведенных примеров (а среди них снова: “Бабеля не читают”. — *Е.Е.*), чтобы судить о том, какая борьба за читателя у нас происходит, и о том, что, вольно или невольно, тот или иной писатель оказывается обслуживающим ту или иную социальную группу <...> нельзя при определении классовости писателя вовсе отмахиваться от читаемости его произведений различными общественными слоями <...>. Удовлетворяться таким положением, когда на каждую книгу пролетарского писателя приходится одна книга писателя непролетарского, мы никак не можем. К тому же мы должны завоевать не только рабочего-читателя, но и усилить наши позиции в отношении охвата своим влиянием промежуточных колеблющихся слоев»¹⁹.

Для рапповцев пролетарский (а значит «правильный») писатель — выходец из рабкоровской среды, из читательской массы. Авербах писал: «Процесс зарождения пролетарского писателя качественно отличается от тех форм, в которых появлялись художники раньше. Он не просто индивидуально появится откуда-то, а он может вырасти и вырастает из широкого пролетарского литературного

¹⁴ Коробкова Э., Поляк Л.М. Рабочий читатель о языке современной прозы (К постановке вопроса) // На литературном посту. 1928. № 14. С. 59.

¹⁵ Пойманова О. Что читали и читают научные работники из новейшей беллетристики // На литературном посту. 1927. № 2. С. 61–64.

¹⁶ См.: Наша анкета среди деятелей кино // На литературном посту. 1928. № 1. С. 71–76.

¹⁷ Наша анкета среди деятелей театра // На литературном посту. 1928. № 4. С. 68–72.

¹⁸ [Анкета среди художников] // На литературном посту. 1928. № 7. С. 62–67.

¹⁹ Авербах Л.Л. О современной литературе (из доклада на всесоюзном съезде пролетарских писателей) // На литературном посту. 1928. № 11–12. С. 8.

движения, ибо мы рассматриваем писательские организации как звено той цепи, которую начинают рабкоры»²⁰.

Система воспитания рабочего читателя складывалась таким образом, что отклики самих читателей, приводившиеся в рапповских изданиях, словно бы случайно согласовывались с отзывами рапповской критики. Такой метод работы стал характерным для рапповской критики. Рапповцы были уверены, что рядовой читатель не захочет отклоняться от общепринятой шкалы оценок. Возникла системно выстроенная цепная реакция: рапповцы прогнозировали реакцию рабочего читателя на творчество писателя, после этого появлялась статья на эту тему с вполне заданными оценками, в результате становилось предсказуемым, какой отзыв о соответствующем писателе или его книге даст читатель.

Как видим, страницы рапповских изданий уже в первые годы своего существования представляют поток публикаций, направленных против попутнической литературы и попутничества как явления. Между тем становится очевидно, что никаких циркуляров «сверху» напостовцы не получали, и все их жестко-прямолинейные инвективы рождались в недрах редакции или на напостовских собраниях. Об этом говорят факты вполне сочувственного отношения участников движения к попутчикам и, в частности, к Бабелю. Так, в статье, посвященной большевистской печати, Ф. Раскольников размышляет о злободневности современной печати, о ее стремлении отвечать на вопросы, волнующие «рабоче-крестьянские массы». И неожиданно в качестве примера обращается к восприятию читателем произведений Бабеля:

Недавно в Доме Печати на диспуте о произведениях Бабеля одна известная писательница заявила:

— Разве рабочие и крестьяне будут читать Бабеля?

Разумеется, это в корне ошибочная постановка вопроса. Писатель-беллетрист в наше время должен взять установку как раз на рабоче-крестьянского читателя. Художник слова ни на минуту не должен упускать из виду нашего главного читателя из рабоче-крестьянских масс <...>. И несомненно Бабеля читают. В конной армии Буденного произведения Бабеля обсуждаются на широких красноармейских собраниях²¹.

²⁰ *Авербах Л.Л.* О литературной политике партии // На посту. 1925. № 1 (6). Стб. 49.

²¹ *Раскольников Ф.Ф.* Традиции большевистской печати // На посту. 1925. № 1–6. Стб. 67–68.

Трудно представить, что Раскольников не прочитал нашумевшую статью С. Буденного «Бабизм Бабеля из “Красной Нови”»²², ведь к моменту появления статьи Раскольникова публикация Буденного уже была хорошо известна. Тем не менее «На посту» позволяет себе автономию в собственных оценках литературы.

«На литературном посту» продолжил «линию по борьбе» за читателя, которая во многих публикациях была равносильна борьбе с попутчиками. Журнал пользуется любой возможностью, чтобы это продемонстрировать. Уже в первом номере журнала опубликована анкета, посвященная современной литературе²³. На вопросы отвечают видные деятели большевизма. Выясняется, что советский хозяйственный деятель, экономист, публицист Ю. Ларин читает А. Серафимовича, Ю. Либединского, Д. Фурманова и А. Безыменского, то есть увлекается теми, кого настоятельно рекомендуют рапповцы. В то же время в анкете появляются имена А. Неверова и Л. Сейфуллиной — тех, кого журнал любит называть «не попутчиками, а спутниками». Ректор Института Востоковедения М. Павлович увлекается Серафимовичем, зав. Агитпропом ЦК ВКП(б) В. Кнорин читает Gladкова, нарком юстиции Д. Курский любит Серафимовича и Леонова, однако читал и А. Толстого, и даже Пильняка, а поклонник Gladкова член Президиума Госплана СССР Н. Осинский называет Бабеля писателем мещанства.

Журналы были переполнены читательскими анкетами, комментариями к ним, статьями о том, кто и что читает. Приведем названия статей из журнала «Литературный критик» за 1926–1927 гг.: «Что читал Ленин», «Что читает Коломенский рабочий», «Что читают в наших библиотеках», «Библиотека клуба им. Бундурина при ситце-набивной фабрике (бывшей Циндель)», «Районная замоскворецкая библиотека имени Л.Н. Толстого», «Книга в массе», «Васильковский читатель», «Спиной к читателю», «Проблема изучения читателя», «Читатель трехгорной мануфактуры», «Читатель о книге», «Что читает серпуховский рабочий», «О красноармейском читателе», «Заметки библиотекаря о современных писателях», «Что читали и читают научные работники из новейшей беллетристики», «Как идет книга в Москве», «Читательские толкования рабочего», «Что читают московские печатники», «В помощь рабочему читателю».

Шла поистине массивированная работа с читателем через книговыдачу, через устные опросы и анкетирование, через обзоры читательских интересов и разнообразные классификации читате-

²² Октябрь. 1924. № 3. С. 196–197.

²³ Наша анкета // На литературном посту. 1926. № 1. С. 50–51.

лей — молодые и пожилые, мужчины и женщины, рабочие Москвы и периферии. На фоне серьезного, почти научного, интереса к проблеме, возникает спекуляция: читают то, что продвигает рапповская критика.

«На литературном посту» предлагает свои методы «обработки» читателя: «Может быть, нужно подумать о методах устной рекомендации книги, или путем световой газеты <...> или же путем издания специальных популярных библиографических журналов, играющих критическо-рекомендательную роль <...>. Читатель должен знать своего писателя, но и писатель должен знать своего читателя»²⁴. Рапповская доктрина воспитания рабочего читателя предполагала, что в обзорах книг, востребованных в библиотеках именно рабочими, И. Бабель не должен упоминаться.

Вслед за рабочими читателями рапповской обработке подвергались и читатели-крестьяне. Известный автор большого исследования «Крестьяне о писателях» в подготавливаемых это издание статьях не раз обращает внимание на то, что читатели из деревни нередко меняли общую картину читательских интересов. Адриан Топоров пишет: «В оценке многих прославленных литературно-художественных произведений <...> я заметил колоссальное расхождение между крестьянами и присяжной критикой. К таким причисляются “Вирина” Сейфуллиной, “Беня-Крик” Бабея, многое из Пильняка, многое из Леонова <...>. Эти вещи мои слушатели не ценят и в грош»²⁵. Возможно, результаты исследования, предпринятого Топоровым, такими и были. Свое самодельное исследование он проводил в глухой сибирской деревне, где многие книги читались вслух в избе-читальне и тут же обсуждались. Возможно, Бабель действительно не нравился, был труден, непонятен, возможно не было умельцев читать Бабея вслух, передавать его живописные диалоги, чтецы спотыкались на колоритных и не общепонятных словах и выражениях. А может быть на восприятии Бабея сказывалось постоянное втолковывание читающему крестьянину — что хорошо, а что плохо, где настоящий революционер, а где чуть ли не враг. В этой ситуации чтения вслух, при большом скоплении народа, мужик, недавно ликвидировавший свою неграмотность и ежедневно читающий «Правду», был достаточно «подкован», чтобы дать «верную» оценку писателю и чтобы односельчане его дружно поддержали.

²⁴ *Исбах А.А.* Что читает коломенский рабочий // На литературном посту. 1926. № 2. С. 37.

²⁵ *Топоров А.М.* Деревня о современной художественной литературе // Сибирские огни. 1927. № 6. С. 199.

И все же среди сконструированных читательских ответов попадаются и истинные. Так, журнал «Резец» выборочно в порядке убывания приводит авторов, которыми интересуются читатели рабочих библиотек. Из классиков это «Тарас Бульба» Гоголя, «Евгений Онегин» Пушкина, «Мертвые души» Гоголя. Список замыкают сказки Салтыкова-Щедрина, упомянуты Достоевский, Толстой и Тургенев. Среди современных авторов список открывает Демьян Бедный, за ним следуют Гладков и Неверов, в середине — Зощенко, завершают список Бабель, Подъячев, Уткин.

Нам уже доводилось писать о том, что в большинстве случаев приводимые отклики читателей становились продолжением рапповской эстетической программы. Поэтому далеко не всегда устные или письменные рецензии рабочих читателей, приведенные в рапповских изданиях, можно считать документальными. Автор одной из публикаций делится своими наблюдениями над читательскими интересами. Заметки были собраны в Центральной библиотеке Пролетарской Мануфактуры в Твери в 1926–1927 гг. В качестве одного из ярких примеров приводится восприятие Бабеля:

Прядильщик Шестов прочел Бабеля. Для наших дней «Конармия» — романтика, на фабрике и в деревне о «Конармии» ходят легенды. Интерес поэтому вполне естественен. А вот и само впечатление: «Мой отзыв на книгу Бабеля Конармия». Эта книга сама по себе ничего. Только тем плоха, некоторые рассказы совершенно непонятны и еще поскольку я прочитал и несколько понял — почти все главы перепутаны. Т. е. не по порядку и этим самым читатель не может понять сущего факта ее слов, и так я заканчиваю свой отзыв²⁶.

В это же время рапповцы упрекали Бабеля в «сложности» его языка для рабочих, в ветвистости его стиля, в сумбурности и нарочитой монтажности сцен «Конармии». Такая «рифмовка» литературно-критических откликов и отклика рабочего является выразительным примером рапповских методов литературной пропаганды.

Принципиально иную позицию по отношению к попутчикам и к Бабелю занимали сторонники А. Воронского, считающие, что читатель из любого социального слоя в состоянии отличить хорошую книгу от плохой. Илья Садофьев уверен:

²⁶ Веже. Что читают // На лит посту. 1927. № 9. С. 61.

...можно и нужно издавать молодых писателей. Нужно и должно дать возможность революционному читателю самому разобраться в том, что талантливо и что бездарно в творчестве современников. А уж читатель-то, будьте спокойны, не ошибется, камень вместо хлеба не возьмет. Серьезный и вдумчивый читатель принимает или отвергает писателя не по аттестации критиков, а по его работе. Вернее — по работе писателя. По его книгам, — читатель проверяет критиков²⁷.

Воронский, автор большого литературного портрета о Бабеле, сказавший в своей работе 1924 г. прямо о том, что Бабель, Пильняк и Всеволод Иванов — это большая литература, постоянно возвращается к писателям-попутчикам и никогда не забывает о Бабеле. Скажем, критик анализирует прошедший (1926) литературный год в двух плоскостях: писательской и читательской. Он считает, что новый читатель «молод, он не имеет большой культурной подготовки. Годы войны и революции приучили его прежде всего действовать. Он — активен. Лишен созерцательности, он практичен, утилитарен, он меньше всего склонен к кабинетному мышлению и чувствованию. Он видит напряженный темп жизни, чувствует, что у нас месяцы идут за годы <...> и он ждет от художника помощи в работе, в практике, в строительстве»²⁸. Воронский радуется, что стали появляться произведения крупных форм, он объясняет это тем, что у писателя стало больше времени, но, говорит Воронский, и у читателя тоже. «Бабель написал блестящую Конармию», — продолжает критик.

В другой статье, опубликованной в журнале «Прожектор», Воронский подчеркивает, что поднимается спрос на книгу. И среди тех, на которые наметился повышенный спрос, называет «Бронепоезд» и «Партизаны» Вс. Иванова, «Чапаев» Д. Фурманова, повести и рассказы Лидии Сейфуллиной и рассказы И. Бабеля²⁹.

Безусловно, такие внятные оценки творчества Бабеля стали импульсом к замечательным аттестациям писателя, появившимся в публикациях не только самого А. Воронского, но и других перевальцев или тех, кто им сочувствовал. «Скупой и осторожный мастер, выдерживающий годами, как вино в подвалах, свои новеллы

²⁷ Садофьев И.И. Победители и побежденные // Красная новь. 1926. № 3. С. 232.

²⁸ Воронский А.К. Писатель, книга, читатель. Художественная литература за текущий год // Красная новь. 1927. № 1. С. 229–230.

²⁹ См.: Воронский А.К. Литературный дневник // Прожектор. 1927. № 15 (109). С. 20.

под спудом, Бабель краток, насыщен, ясен и разителен. Он не похож ни на кого из своих современников»³⁰, — пишет в 1927 г. А. Лежнев.

Очень сочувственно к Бабелю отнесся Валериан Правдухин, редактор журнала «Сибирские огни», видный литературный критик 1920-х гг. Он был уверен в том, что «подлинное ощущение эпохи читатель получает у Бабеля»³¹. В большой статье 1925 г. автор развернуто пишет о Вс. Иванове, давая высокую оценку его произведениям о гражданской войне. Здесь же читаем: «У И. Бабеля тот же материал неотделим от его крепкой манеры новеллы-миниатюры. Здесь читатель получает подлинное сгущение революционной эпохи <...>. У Бабеля в каждом красноармейце, в каждом бойце конармии наряду с уродством читатель чувствует необычайную “биологическую” приверженность к земле, к женщинам, к жизни»³².

В другой работе Правдухин выступает против позиции критиков, убежденных в том, что читателю надобно чтение легкое, развлекательное, не требующее глубоких умственных усилий. Из-за этого «на поверхность начинает победно просачиваться писатель-слуга, писатель обывательского толка. Писатель, заранее обрекший себя на законную обывательскую серединку»³³. Приводя в пример любимого своего Бабеля, он пишет: «Самый культурный наш писатель, И. Бабель, которому удалось написать несколько действительно опалюющих читателя страниц, не идет в своих зарисовках людей дальше красочного портрета, оживающего у читателя, чаще всего благодаря собственным неостывшим переживаниям из гражданской войны»³⁴. Подводя итог своим размышлениям, В. Правдухин пишет: «А новый читатель ждет и все еще надеется. Он ждет художественной зарисовки живого человека, в котором хочет увидеть себя с неотвратимой и убедительной правдой. Читатель хочет увидеть, когда же и как движется внутренне этот человек среди наипротиворечивейшей современности, как он в своем быту, семье, любви, детях, в самом себе осуществляет невероятно дерзкие и прекрасные порывы революции <...>. Читатель ждет, когда наш писатель вернет себе права мужественного и мудрого созерцателя жизни, созерцателя-творца.

³⁰ Лежнев А. О литературе: Статьи. М.: Сов. писатель, 1987. С. 254.

³¹ Правдухин В.П. Эстетствующие политики и литература // Сибирские огни. 1923. № 5–6. С. 215.

³² Правдухин В.П. Литературные течения современности // Сибирские огни. 1925. № 1. С. 213–214.

³³ Правдухин В.П. Литературная шивера // Сибирские огни. 1928. № 3. С. 203.

³⁴ Там же. С. 208.

Мужественного в том смысле, чтобы он умел рисовать жизнь с полнотправной ясностью и глубиной»³⁵.

Обратим внимание на то, что в лучших статьях 1920-х гг. о Бабеле — статьях А. Воронского, А. Лежнева, В. Правдухина, Вяч. Полонского — мы тоже наблюдаем постоянное обращение к читателю. Десять раз упомянет читателя или обратится к нему Полонский в статье «Бабель»³⁶: «С этой стороны справедливы *упреки читателей*, видящих в “Конармии” реальный и реалистический памятник боевой страды наших славных борцов»; «Приняв за доказанное, будто героем новелл, объединенных именем “Конармия”, является именно армия Буденного, *читатель требует и упрекает*»; «Что именно такого, окрыленного реализма *ищет наш молодой советский читатель* — можно заключить по успеху, выпавшему на долю “Цемент” Гладкова»; «Опоэтизировать каждодневный труд, убедительно показать увлекательность идеи восстановить цементный завод, *увлечь читателя* картиной борьбы на трудовом фронте — это значит преодолеть скучную косность мелких дел, найти в них великое общее, создать романтику будней»; «Только магия искусства, делающая и невозможное возможным, *заставляет читателя* не замечать “чарования вымыслов”»; «Для современного *читателя* “господин пристав” — это пустячки, даже вместе с околоточным надзирателем! Но пусть спросит он об этом старого провинциального еврея. “Господин пристав” — всемогущ, как царь»; «Заострить *восприятие читателя*, вонзиться в его сознание, *схватить читателя “за тело, за глотку, за волосы”*, то есть подойти вплотную, — этого достигает Бабель с помощью приема, который является, пожалуй, самым для него характерным, — приемом контраста»; «Виктор Шкловский заметил как-то, что смысл приема Бабеля состоит в том, что он одним голосом говорит о звездах и триппере. Это не так или не совсем так. Бабель “ужасается”, когда говорит о пустяках, и “смеется”, когда говорит об ужасах. Он спокоен, когда надо волноваться, и говорит ледяным тоном, когда волос становится дыбом. Так спокоен он в “Переходе через Збруч”, и весь эффект этого замороженного повествования *обрушивается неожиданно на читателя* в последних строках, когда еврейка снимает одеяло с “заснувшего” ее папаша»; «Искусное пользование им позволяет автору *приблизить к читателю предмет изображения*, сделать его осязаемым — дать почувствовать на ощупь, до последнего волоска, до иллюзии». «*Читатель обычно перебрасывает трескущие страницы*. У Бабеля есть одна строка,

³⁵ Там же. С. 214.

³⁶ Полонский В.П. Критические заметки. О Бабеле // Новый мир. 1927. № 1. С. 197–216.

от которой вздрагиваешь: “У Клекотова нам в лицо звучно лопнул выстрел”. Ведь до чего это просто, а как выразительно!».

Обратим внимание на выделенные нами курсивом сочетания слов. Читатель у Вяч. Полонского требует, упрекает, его нужно увлечь, заставить, заострить восприятие. Вместе с тем в статье показано, как читатель работает с книгой: он ищет, он перебрасывает трескучие страницы, он чего-то не замечает. Все эти формульные обороты указывают на интерес критика не только к читательской психологии, ее зависимости от социальной принадлежности читающего, но и к процессу воспитания читателя. И еще один важный момент. Если рапповская критика стремится работать с читательскими массами, с большими социальными группами (рабочий читатель, крестьянский читатель), то здесь, в статье Полонского, понятие «читатель» возникает в единственном числе, и это уже не типизация, не обобщенная категория, а конкретный читатель со свойственными ему привычками и потребностями. Это касается, каждого писателя, особенности восприятия которого интересовали критика. Это, безусловно, коснулось и Бабеля, когда Полонский терпеливо и на примерах из текста объясняет читателю, в чем заключается мастерство писателя. В финале статьи читаем:

В советской литературе Бабель по праву занял выдающееся положение. Самое существование «Конармии» является одним из факторов, определяющих развитие литературного искусства. Манера Бабеля, виртуозное владение языком, его художественные приемы, лаконизм, стремительный темп его вещей отразили не только степень индивидуального умения и таланта. В быстроте его повествования, в насыщенности изложения, в необыкновенной уплотненности художественной ткани отразился темп нашей индустриальной эпохи, с телефоном, радио, кино, авиацией <...>. Бабель установил рекорд литературного мастерства, рядом с которым немислимо существование «кислого теста» повестей, неторопливых, как арба, и пузатых, как старый комод. В этом смысле автор «Конармии» подслушал пульс своего времени, и здесь у него есть чему поучиться³⁷.

И это «кислое тесто», и «пузатый комод», и «темп нашей эпохи» — все эти метафоры становятся очевидными вешками для читателя, остановками-ориентирами в постижении непривычной бабелевской стилиевой вязи.

³⁷ Там же. С. 216.

Как видим, читатель действительно встал в центр литературной жизни. Он становился опорой или оппонентом для писателя и для литературного критика. Однако литературная критика, основная часть которой была близка рапповскому сознанию, строила свои постулаты на окрике, на прямолинейности оценок, на жесткой требовательности к читателю, который недавно научился читать и может быть впервые пришел в библиотеку. В это же время литературно-критические статьи авторов, находящихся в русле марксистской и даже точнее — большевистской идеологии, но относящихся к книге как эстетическому феномену, были полны точных оценок, перешагнувших свое время.

В этой «читателецентричной» литературно-общественной ситуации Бабель оказался тем писателем, который вызывал на себя огонь. Он был поддержан той частью большевистской критики, которая исповедовала эстетическую ценность художественных произведений. В то же время писатель отвергался рапповской критикой, а вслед за ней и читателем, ею выращенным. Самобытность Бабеля, его цветистый, орнаментальный стиль, отсутствие прямых авторских оценок, сложность построения фразы и текста в целом — все это не укладывалось в привычную для рапповцев классификацию писателей. Бабеля пытались считать попутчиком, но постоянно приклеивали к этому дополнительные ярлыки: революционный попутчик, просто — попутчик, попутчик революции. Именно попутчиком революции называет его Вяч. Полонский. А. Лежнев и В. Правдухин вообще не используют этот термин применительно к Бабелю. А Воронский утверждает, что Бабель вообще ни к каким кружкам не принадлежит. Возможно, все дело в этой многомерности Бабеля, его невписываемости в какое-то конкретное литературное гнездо, в его художественной самобытности.

Рапповцы всегда останавливались, застывали перед неоднозначной писательской фигурой, их беспокоила любая уникальность, и они старались сводить к минимуму разговоры о тех, кто очевидно не попадал в тот или иной разряд. И проще было в комментариях к читательским анкетам сообщить: «Бабеля не читают», чем объяснять, с какими сложностями сталкивается или может столкнуться реальный читатель.

Литература

1. *Добренко Е.А.* Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997. 320 с.

2. *Евграфов Г.Р.* Смотря какая бабеля... Из истории советской литературы // Знания. 2024. № 12. С. 180–192.
3. *Елина Е.Г.* Литературная критика и общественное сознание в советской России 1920-х годов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. 122 с.
4. *Ли Су Ен.* Исаак Бабель. «Конармия» и «Одесские рассказы»: поэтика циклов. СПб.: Мир, 2005. 180 с.
5. *Парсамов Ю.В., Фельдман Д.М.* Грани скандала: цикл новелл И. Бабеля «Конармия» в литературно-политическом контексте 1920-х годов // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 229–286.
6. *Парсамов Ю.В.* «Этот писатель почти дебютант». К истории ранних журнальных споров о Бабеле // Вестник РГГУ. Серия: «Журналистика. Литературная критика». 2011. № 6 (68). С. 68–75.
7. *Погорельская Е.И., Левин С.Х.* Исаак Бабель. Жизнеописание. СПб.: Вита Нова, 2020. 624 с.
8. *Химухина Н.И.* «Конармия» и «Одесские рассказы» И. Бабеля в контексте литературной полемики 20-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 24 с.

Research Article

Isaac Babel and the Competition over the Readers in the 1920s

© 2025. Elena G. Elina

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky,
Saratov, Russia

Abstract: Publications in the literary-artistic and literary-critical periodicals of the 1920s offer valuable insights into a largely overlooked dimension of Soviet literary history. They reveal the reception of Isaac Babel by participants in the literary polemics of the time, all within the broader framework of the fierce competition over the reader that defined the decade. During the 1920s, the reader was placed at the center of diverse ideological projects aimed at reshaping human nature and forging a new consciousness. Babel was commonly grouped with the so-called *poputchiki* (*fellow travelers*), a classification that shaped his reception both among critics aligned with RAPP and among Trotskyist sympathizers, as well as independent Marxist literary thinkers such as Vyach. Polonsky and V. Pravdukhin. The study demonstrates that in the reader-centric literary and sociopolitical climate of the 1920s, Babel found support among that segment of Bolshevik criticism which upheld the aesthetic value of literary form. Conversely, he was rejected by the RAPP critics and, in turn, by the readership they cultivated. Babel's literary singularity — his florid, ornamental style; his avoidance of explicit authorial judgment; and the structural complexity of both phrase and text — resisted incorporation into RAPP's rigid classificatory schemes. In place of sustained critical engagement with his work, RAPP critics resorted — contrary to the actual dynamics of readership — to a formulaic refrain: “Babel is not read.”

Keywords: Babel, mass criticism, A. Voronsky, V. Polonsky, V. Pravdukhin, reader, literary-social context of the 1920s.

Information about the author: Elena G. Elina, DSc in Philology, Professor, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Astrakhanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

E-mail: elinaeg@info.sgu.ru

For citation: Elina, E.G. "Isaac Babel and the Competition over the Readers in the 1920s." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (37), 2025, pp. 331–349. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-37-331-349>

References

1. Dobrenko, E.A. *Formovka sovetskogo chitatelia: Sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoi literatury* [Molding the Soviet Reader: Social and Aesthetic Premises for the Reception of Soviet Literature]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1997. 320 p. (In Russ.)
2. Evgrafov, G.R. "Smotria kakaiia babel'... Iz istorii sovetskoi literatury" ["Depends on Which Babel... From the History of Soviet Literature"]. *Znamia*, no. 12, 2024, pp. 180–192. (In Russ.)
3. Elina, E.G. *Literaturnaia kritika i obshchestvennoe soznanie v sovetskoi Rossii 1920-kh godov* [Literary Criticism and Public Consciousness in Soviet Russia of the 1920s]. Saratov, Saratov University Publ., 1994. 122 p. (In Russ.)
4. Li, Su En. *Isaak Babel'. "Konarmii" i "Odesskie rasskazy": poetika tsiklov* [Isaak Babel. "Red Cavalry" and "Odessa Stories": The Poetics of Cycles]. St. Petersburg, Mir Publ., 2005. 180 p. (In Russ.)
5. Parsamov, Iu.V., and D.M. Fel'dman. "Grani skandala: tsikl novell I. Babelia 'Konarmii' v literaturno-politicheskom kontekste 1920-kh godov" ["Facets of Scandal: I. Babel's 'Red Cavalry' Cycle in the Literary and Political Context of the 1920s"]. *Voprosy literatury*, no. 6, 2011, pp. 229–286. (In Russ.)
6. Parsamov, Iu.V. "Etot pisatel' pochti debutant'. K istorii rannikh zhurnal'nykh spоров o Babele" ["This Writer Is Practically a Beginner": A Look at the Early Journalistic Disputes About Babel"]. *Vestnik RGGU. Seriya: "Zhurnalistika. Literaturnaia kritika,"* no. 6 (68), 2011, pp. 68–75. (In Russ.)
7. Pogorel'skaia, E.I., and S.Kh. Levin. *Isaak Babel': zhizneopisanie* [Isaac Babel: A Biography]. St. Petersburg, Vita Nova, 2020. 624 p. (In Russ.)
8. Khimukhina, N.I. "Konarmii" i "Odesskie rasskazy" I. Babelia v kontekste literaturnoi polemiki 20-kh godov [Isaac Babel's "Red Cavalry" and "Odessa Stories" in the Context of the Literary Debates of the 1920s: PhD Thesis, Summary]. Moscow, 1991. 24 p. (In Russ.)